

Г. ЧУЛКОВ

Поэт-кормщик

Вяч. Иванов. *Cor ardens*. Часть первая

Осенью прошлого года, будучи в Риме, я зашел в церковь св. Климента. Chiesa di S. Clemente примечательна. Она глубоко ушла в землю: надо спуститься вниз и осмотреть ее подземную часть. Там сохранились фрески VI в. Одна из них необычайна. Это — Мадонна с Сыном. Безумные «врубелевские» глаза Богоматери и божественно-ироническая ее улыбка каким-то чудом сближают древнюю фреску с современностью. Церковь св. Климента построена на камнях, из которых некогда были сложены стены языческого храма, где совершались эзотерические служения — дар Востока древнему Риму...¹ Новая книга Вячеслава Иванова — «*Cor ardens*» — напоминает мне эту римско-католическую церковь с таинственной храминой под землей и с изображением в средней ее части (также подземной, но уже построенной в первые века христианства) лика Мадонны с глазами Мэнады.

Я верю, что символика «многослойного» италийского храма аналогична и параллельна символике, раскрытой в книге русского поэта. Неразрывная связь древнейших культур и восточного эзотеризма с эзотеризмом христианства и темами нашего тревожного XX в. характеризует сущность книги Вячеслава Иванова.

Скорбная Мадонна-Мэнада «мрачным оком смотрит — и не видит; душный рот разверзла — и не дышит»: но в миг, когда приходит Дионис, ее сердце источает «слез ликующих ключи» и встречает — «яростное» и «жертвенное» — своего бога, принимая покорно новую тишину — «смесь вина с глухой смирной»². Вот эта встреча Мэнады с Дионисом, сердца с богом — основная тема новой книги Вячеслава Иванова.

Однако символ Диониса не всецело предопределяет содержание этой сложной книги. В той же мере торжествует в ней начало «аполлоновское»³, восстанавливая желанное равновесие поэтических тем и форм. Отсюда поразительное торжество гармонии над лирическим хаосом, торжество строя и лада над началом смутных настроений, характерных для современного поэтического импрессионизма. Поэтическое мироотношение Вячеслава Иванова в наши дни — явление исключительное. В самом деле, мы наблюдаем теперь в поэзии — или устремление в страну чистой лирики, где иногда страшно веют мятели, иногда дивно зеленеют звезды, иногда безумно плачет океан, но никогда не бывает точных слов, определяющих космическую символику, — или устремление к новому академизму, где высокая культура стиха, остроумные мысли, изысканные образы и бескорыстное служение совершенной форме не делают еще поэзии символической, в строгом и ограниченном значении этого термина.

Я не хочу сказать, что в поэзии Вячеслава Иванова нет совсем в себе замкнутой лирики: я лишь утверждаю, что этот круг переживаний заключен в иной круг — круг мировых символов. И как бы радиусы — лучи солнца-сердца — соединяют лирический микрокосм поэта с объективно данным макрокосмом⁴. В этом смысле Вячеслав Иванов — реалист⁵.

Этот реализм Вячеслава Иванова определяет такие свойства его души, которые дают ему удивительное в наши «злые времена» — я бы сказал — жизнеупорство. Лирические бури бросают легкие челны поэтов на опасные скалы и скучные мели, и, кажется, один лишь Вячеслав Иванов, как опытный кормчий, плывет по звездам, не страшась непогоды.

Пушкин «беспечной веры полн», пел пловцам неустанно и когда «лоно волн измял с налету вихорь шумный», лишь он один «таинственный пловец», был выброшен на берег грозой⁶. Иная судьба Вячеслава Иванова. Кто-то незримый внушил ему отважную мысль взять в свои руки кормило. И вот «кормщик умный» должен был уступить «безумному поэту» свое опасное место. И что же? В эту «годину гнева», когда гибли в огне наши грузные броненосцы, поэт-кормщик провел бесстрашно по темным волнам свой утлый челн. Немногие были с ним вместе; немногие слышали его голос, но тот, кто слышал его, не забудет вещей слов:

Огнем крестися, Русь! В огне перегори
И свой Алмаз спаси из черного горнила!
В руке твоих вождей сокрушены кормила:
Се, в небе кормчие ведут тебя цари⁷.

Так пел поэт в мае 1905 года, а в 1906 году уже снова звучал его голос — и не менее внятно — как укор палачам:

Так! Подлые вершите казни,
Пока ваш скиптр и царство тьмы!
Вместите дух в затвор тюрьмы! —
Гляжу вперед я без боязни⁸.

И не случайно в начале и в конце этого стихотворения пушкинские строки из его «стансов», посвященных Петру, чей образ являлся и нашему великому поэту, как образ двуликий — то восхищая его своим гением, то пугая его чарами своего демонического сердца. «Медный всадник» поразил души поэтов. И Вячеслав Иванов должен был сделать свое признание Сивилле и выслушать о нем ее пророческий шёпот:

Замирая, кликом бледным
Кличу я: Мне страшно, Дева,
В этом мороке победном
Медно-скачущего Гнева...
А Сивилла: Чу, как тупо
Ударяет медь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта...⁹

Вышла в свет пока лишь первая часть «*Cor ardens*»: вторая часть, куда войдет «*Rosarium*», должна завершить поэтическое здание, которое созидалось поэтом в течение шести лет.

Тема любви и смерти раскрыта до конца в этой второй, еще не опубликованной, части сборника, но уже третья книга первой части — «Эрос» и «Золотые завесы» — позволяет судить об отношении Вяч. Иванова к этой теме¹⁰.

В стране любви вдохновенным вожатаем поэта был Данте. Перед ним преклонился Вячеслав Иванов покорно и самозабвенно. А неизменными и верными спутниками его на лирических путях были Вл. Соловьев и Тютчев. У них учился Вяч. Иванов петь так, чтобы голос его был созвучен пению звезд.

Однако, не исключительный путь соловьевского софианства и не тайна суеверной любви Тютчева овладели сердцем поэта, а какое то новое откровение, новый мир, божественно-противоречивый и богооправданный. Вячеслав Иванов знает, что «Матерь-Ночь» — «вожатая владычица неотвратимых встреч», «заклятий Солнца — разрешительница»... И он не боится «ключарницы глубин глубоких» — чарой Полночи¹¹. Вот почему, заклиная, он зовет к себе отрока:

Приди, мой сын, мой брат! Нас ждет
двоих одна жена:
Ночь, Матерь чарая, — глуха, тиха, хмельна,
жадна...¹²

«Вызывание Вакха» и ряд других пьес того же цикла являются как бы первыми розами, чей душный хмель, опьяняя, уводит нас от повседневности в таинственный сад, «где бродят, заросли ломая, желаний темных табуны»¹³.

Иго любви и тяжело, и легко: тяжело тому, кто боязлив и слеп, и легко тому, кто не боится смерти и чей взор светел. Поэт принял, покорно иго любви, и если смотреть на лирические стихи, как на знаки, указующие на «дела и дни» наши, то ответственным и опасным покажется нам путь, пройденный Вячеславом Ивановым. Но поэт посмел сказать, что он «растворил свою жемчужину любви»¹⁴, посмел сказать:

«Нищ и светел прохожу я и пою, —
Отдаю вам светлость щедрюю мою»¹⁵.

Эта дерзновенная ясность сердца предопределяет новую жизнь поэта, которую воспел он во второй части своей замечательной книги. И он по праву повторит слова Петрарки: «Di pensier in pensier, di monte in monte mi guida Amor»...¹⁶

1911

